

Ее обоняние сработало первым, когда она сделала свой первый вдох более чем за пятьсот лет. Она держала глаза закрытыми, наслаждаясь вкусом. Сладко, так сладко, что она почти забыла, как приятно может пахнуть воздух. Так ли это было раньше?

Это не могло продолжаться долго, и украденный воздух вырвался наружу с тихим вздохом. Когда она вдохнула снова, желая снова ощутить вкус чистого воздуха, было слишком поздно. Привкус кислоты, кислый химический привкус, который был слишком знаком. Она вздохнула. Не то чтобы она не привыкла к вкусу отравленного воздуха, который она выдыхала. Тем не менее, это почти стоило того, чтобы быть вызванной только для того, чтобы она могла снова притвориться всего лишь девушкой. Хотя бы на мгновение.

Следующим было прикосновение, когда она почувствовала босыми ступнями холодный гладкий камень. Она все равно опустилась на колени, опустив голову. Поскольку ее никогда раньше не призывали, она на самом деле не знала правильных ритуалов и протоколов, но ближе всего к Мастеру, вероятно, был клиент, и поэтому она проявила бы должное почтение. Открыв глаза – не то чтобы ее Хозяин смог бы сказать, под маской в виде черепа, которую она носила одновременно для сокрытия личности и знака отличия, – она рискнула осмотреться.

Церковь – или, может быть, часовня? Естественно, она не могла знать, хотя ей было поручено убить не одного священника, епископа или кардинала, посещавших их "святую землю". Это не имело значения. Даже если ее Хозяин не разделял ее веру, они все равно были ее Хозяином. Она подняла голову, все еще склоненную, и посмотрела на него.

Или, скорее, они.

Перед ней стояли два человека. Одним из них была женщина с бледной-пребледной кожей, серебристо-белыми волосами и красными глазами. Она увидела, что это не человек. Не многие бы заметили, но ей пришлось убить так много существ, которые притворялись людьми, что знаки были очевидны для нее. Возможно, некое совершенство формы, которое говорило скорее о ремесле, чем об истинных творениях Бога. И другой...

Убийца. Легко заметить, для тех, кто знал как. Именно глаза, какими бы тусклыми и бесстрастными они ни казались, выдавали это в первую очередь. Она видела, как они изучали ее форму, и не так, как это делали большинство мужчин. Лицо, затем бедра, затем большую часть пути назад, да, и она увидела, как на мгновение расширились глаза, но это была не та похоть, которую она обычно вызывала и ожидала. Этот убийца сначала посмотрел в ее глаза, чтобы увидеть намерение убить, а затем туда, где хранились ее ножи. Затем, вместо ее груди – в любом случае, не то чтобы она была особенно впечатляющей в этой области – он наблюдал за ее плечами, на случай, если она внезапно нападет.

А затем он моргнул и просто снова бесстрастно посмотрел на нее. Она кивнула. ДА. Он бы подошел.

Она, конечно, смотрела на него почти точно так же. Женщина тоже. Женщина была безоружна, но у убийцы было что-то спрятанное в складках его черной верхней одежды (пальто, прошептал Грааль в ее голове), что, судя по размеру и форме, вероятно, было современным огнестрельным оружием. Также к его икре чуть выше правого ботинка был прикреплен нож, а остальная пачка сигарет находилась в левом нагрудном кармане рубашки.

Не то чтобы она считала его угрозой или имела какое-либо намерение отравить его сигареты. Просто она не могла не заметить. Ее слишком хорошо обучили видеть в людях просто людей, а не угрозы или цели.

Убийца поднял руку, показывая свои Командные заклинания, и она впервые заговорила – клятва, которую она давала каждому клиенту.

"Все, все, все, как ты пожелаешь. Я предложу тебе всего себя. Это тело, это сердце, все это..."

Покончив с этим, она стала ждать ответа своего Учителя.

"Ваше имя и класс?" спросил он.

"Я Хассан-и-Саббах, твой убийца, Мастер".

Ее Учитель кивнул, как будто ожидал такого ответа. "Старик Горы, глава ордена, который дал свое название слову "убийца". Полагаю, легенды со временем исказились. Ты не стар и не мужчина."

"Тем не менее, ты сейчас на горе", - сказала женщина позади него. Когда он повернулся, чтобы посмотреть на нее, она проворчала: "Просто говорю".

"Все главы ордена, независимо от их имени до того, как они были выбраны, стали Хассан-и-Саббах", - сказал Ассасин. "Хотя, я не помню, как меня звали... если вы будете называть меня Хассан, я с удовольствием отвечу. Это не имеет значения".

"Ну, мы не можем просто ходить и называть тебя Хассаном", - надув губы, сказала женщина в белом. "Это совсем не мило! Тебя называли как-нибудь еще?"

Ассасин нахмурилась под маской-черепом. Было ли ее имя милым или нет, буквально никогда не приходило ей в голову. Она взглянула на своего Хозяина, но он ничего не сказал. Что ж, если он не был не согласен, у нее не было причин не подчиняться этой женщине, явно соратнице своего Учителя.

"Когда я был утвержден в качестве главы ордена и впервые принял имя Хассан-и-Саббах, мне дали титул, чтобы отделить меня от предыдущего главы. Он был Хассаном из Ужасной Дикой природы, за его умение обращаться со зверями; я был Хассаном из Безмятежности, за мое умение обращаться с ядом".

"Безмятежность..." - сказала женщина. "Что ты думаешь, Кирицугу?"

Ее Учитель – Кирицугу – едва заметно пожал плечами. "Я планировала просто называть тебя Ассасином, если у тебя нет возражений". Ассасин покачала головой. "Тогда ты возражаешь против того, что Ири называет тебя Сиренити? Сомневаюсь, что смогу остановить ее, но если тебе действительно это не нравится ..."

Ассасин снова покачала головой. "Это не имеет значения. Хассан или Сиренити, я все еще твой слуга Ассасин. Я твой, делай со мной, что пожелаешь – то, как ты меня называешь, мелочь по сравнению с этим". В конце концов, не было никакой необходимости привязываться к имени, которое никогда ей не принадлежало.

Кирицугу кивнул, но женщина – Ири – застонала. "Фу, вы оба безнадежны. Я знал, что она будет похожа на тебя, но я не думал, что она тоже разделит твой скучный прагматизм. Кири, я забочусь о ней. Если мне есть что сказать по этому поводу, она не станет такой, как ты, и не будет такой суровой все время. Мы боремся за спасение мира, ради всего святого!"

На лице Кирицугу промелькнуло подобие улыбки. "Ты понимаешь, что она уже мертва? Она не

может "получиться" чем-то отличным от меня, потому что ее история была завершена столетия назад".

"Тсс, ты! Я больше не собираюсь слушать твою чушь. Сиренити, дорогая, пойдём со мной, и мы посмотрим, сможем ли мы подобрать тебе что-нибудь более веселое, чем те унылые вещи, которые на тебе надеты ..." Ири попыталась взять Ассасина за руку – только для того, чтобы отпрянуть, когда Ассасин дернулась назад, чтобы избежать этого, отодвигаясь назад, пока не оказалась на безопасном расстоянии от партнера своего Хозяина.

Ири на мгновение задержала руку, затем опустила ее рядом с собой, выглядя обеспокоенной. "О, я напугал тебя, Сиренити? Прости ..."

"Нет!" - сказал Ассасин. "Это я должен просить прощения. Мастер, Ири, важно, чтобы вы никогда, ни за что не прикасались ко мне. Сделать это - смерть, верная, как восход солнца". Она подтянула колени к груди. "Каждый, кто прикасается ко мне, умирает. Даже мое дыхание в конце концов прекратится. Ради вашей же безопасности, Мастер, Ири, пожалуйста..." она заставила себя произнести это: "пожалуйста, держись подальше".

Иллисавиэль фон Айнцберн был в гневе.

В эти дни все, казалось, были чем-то заняты, и у них не было времени поиграть с ней. Даже папа! Когда она спросила, что было настолько важным, что даже home ... home ... что даже горничные отмахивались от нее, у папы появилось то неловкое выражение лица, которое у него всегда появлялось, когда она спрашивала его о работе, и он сообщил ей новости; что он скоро уезжает вместе с мамой.

"Но почему?" Илья заскулил.

"Это важно, Илья. Многим людям нужна помощь, и если мы с твоей мамой будем очень усердно работать, мы сможем спасти их всех. Но мы не можем сделать это здесь, поэтому нам придется уйти. Совсем ненадолго".

Илья надулся. Не потому, что она на самом деле дулась – ей было восемь, а не пять, – а потому, что она поняла, что всякий раз, когда она это делала, все взрослые, даже папа, с гораздо большей вероятностью позволяли ей поступать по-своему. Она совершенствовала его годами проб и ошибок, пока служанки замка не превратились в замазку в ее руках.

Технически это была ложь, но это было сделано твоим лицом, а не твоим голосом, так что это не действительно имело значение, и это намного облегчило получение того, чего ты добивался. (Илья пошла в своего отца гораздо больше, чем в мать, почти во всем, кроме внешности.)

"Можно мне пойти с тобой?" - взмолилась она. "Я буду действительно хорошей ..."

"Нет". И все. С папой было не поспоришь, когда он скорчил это лицо, такое жесткое, холодное и пугающее.

На тот случай, если это могло бы помочь, она тоже обратилась к маме, но на самом деле не ожидала, что это сработает – несмотря на то, как он выглядел, папа большую часть времени был мягкотелым. И, конечно же, мама только что обняла Илью и сказала ей быть хорошей для дедушки Ахта, пока их не будет.

Илья, очевидно, согласился. Не то чтобы она планировала быть плохой для дедушки, это было

просто глупо, и забавный человек из Ассоциации Магов ушел домой разбитым на куски, когда разозлил дедушку.

(Буквально, по частям. Все еще живые фрагменты, доставляемые один за другим в течение месяцев. Его голова отключилась последней, и Илье было очень весело брать ее с собой на экскурсии по замку, особенно после того, как легкие отключились и она перестала издавать этот раздражающий хриплый визгливый звук. Илья дулся несколько дней, когда служанки мягко, но решительно вырвали принца Хедуорда из ее рук и, наконец, отправили его домой.)

В любом случае, конечно, она не собиралась создавать проблемы дедушке, потому что она вообще не планировала находиться в замке. Уход папы был достаточно плохим, но он делал это постоянно, и Илья привык к этому. Но забирать маму? Ей оставалось играть только со служанками, и с ними было скучно. Нет, Илья уходил, нравится это ее родителям или нет.

Было бы не совсем правдой сказать, что Илья никогда не покидал замок, но, безусловно, она никогда не теряла его из виду. Тем не менее, отправиться с родителями не должно быть так уж сложно. Папа всегда брал с собой эти большие сумки, и она знала, что он упаковывал свою одежду не в них, потому что он всегда играл с ней в игру, решая, что надеть в свои поездки. Так что они не могли быть чем-то действительно важным.

Илья прокрадывался в комнату папы, пока его не было (она видела, как он очень серьезно разговаривал с мамой в кабинете, просматривая всевозможные скучные на вид бумаги с приклеенными маленькими фотографиями людей, и казалось, что на это потребуется некоторое время), и складывал кучу ее вещей в сумки. Затем она пряталась там как раз перед отъездом своих родителей, и к тому времени, когда они понимали, что она появилась, они, вероятно, были уже на полпути к цели.

Может быть, ей тоже стоит взять что-нибудь перекусить и книги, потому что Илья не был уверен, как далеко на самом деле находится это место в Фуюки. Это могло быть в целом часе езды.

Дверь в комнату ее родителей не была заперта – кто мог что-то украсть здесь, в этом замке? – но Илье все еще казалось, что она вторглась на чужую территорию, когда она вошла с маленькой сумкой одежды и другими дорожными вещами. В комнате было холодное, жуткое чувство, которого она никогда раньше не испытывала, несмотря на то, что солнце ярко светило в окно.

Илья стряхнул с себя это и все равно вошел. Там никого не было, комната была пуста. Горничным было не время убираться, и они знали, что лучше не заходить. Никто за ней не наблюдал. Итак, куда бы папа положил остальные сумки...

Она нашла их под кроватью – при ее размерах там было достаточно места. Торжествуя, улыбаясь, она заползла под нее и начала вытаскивать сумки, чтобы как следует спрятать свои вещи.

Кровать скрипнула. Илья подпрыгнул, выскочил из-под кровати и огляделся. Там по-прежнему никого не было. Подозрительно оглядев кровать, как будто она намеренно сыграла с ней злую шутку, она достала пакеты и расстегнула их.

Когда она увидела, что было внутри, она разочарованно фыркнула. Сумки, которые папа всегда брал с собой, были набиты оружием. Нечестно – ей не разрешалось прикасаться к папиному оружию, это было единственное, за что он когда-либо когда-либо кричал на нее.

Итак, ей нужен был какой-то способ спрятать себя и свои вещи в сумку, не прикасаясь к оружию. Возможно, там была какая-то система блоков, которую она могла бы соорудить, используя простыни...

"Тебе ... следовало бы быть в другом месте, дитя..."

Илья взвизгнула и развернулась на месте от неожиданного голоса позади нее. Ее ноги зацепились за сумку, и она споткнулась, приземлившись на задницу лицом к кровати. В углу, скорчившись, как паук, сидела взрослая женщина с темной кожей, одетая в облегающий темный костюм и маску в форме черепа. Илья отпрянул назад, пока ее спина не уперлась в стену, вытаращив глаза. Этой женщины определенно, определенно не было в комнате пять секунд назад.

"Ах, дитя... Иллиасфиэль, да?" сказала женщина. "Иллиасфиэль, прости, что напугала тебя. Я работаю на твоего отца".

О. Ну, это действительно все объясняло. Папа упоминал, что он иногда работал с людьми.

(Илье нравилось думать о себе как о прагматичной и циничной. Однако было трудно научиться быть скептиком и распознавать ложь, когда ты жил в замке, полном людей, у которых не было причин лгать тебе. На самом деле, единственным человеком, который регулярно обманывал Иллиасфиэль, был ее отец, и то только такими способами, как выход на улицу во время игры в прятки и объяснение позже, что они никогда не соглашались, что это запрещено – несмотря на то, что Илье было запрещено выходить на улицу без разрешения. Итак, Илья был довольно доверчив, даже для восьмилетнего.)

"Вы тетя Майя?" - спросил Илья. "Это единственный человек, которого я знаю, который работает с папой, но она никогда не навещала, потому что они с мамой не ладят".

"Нет. Я не Хисау Майя. Я Слуга-Убийца. Вы можете называть меня Сиренити".

"Слуга!" Глаза Ильи засияли, весь предыдущий страх был забыт. Все Айнцберны, конечно, знали о слугах. Во многих отношениях вся семья была ориентирована на призыв и использование слуг в войне за Святой Грааль. Видеть одного во плоти – ну, дух-плоть – было все равно что видеть дело своей жизни, а также супергероя и принцессу одновременно. Затем Илья уловил связь. "Война за Грааль? Это то, что задумал папа? Боже, он мог бы просто сказать ..." Она скрестила руки на груди, надулась (на этот раз по-настоящему) и уставилась в пол.

Служанка – Сиренити – наклонила голову. "Я тебя расстроила? Прости..."

"Нет, дело не в тебе – ну, ты заставил меня упасть, и это больно, но я не сержусь из-за этого. Это потому, что я определенно не могу сейчас пойти с папой и мамой. Я хочу, но... Я понимаю. Это слишком опасно". Она подняла голову. "Я вряд ли увижу их до того, как они уйдут, слишком много нужно сделать, и мама не вернется, и папа может ... папа может ..." Она шмыгнула носом и возненавидела себя за это.

Сиренити сделала паузу, затем подняла руки к своей маске и медленно сняла ее. Ее глаза под ней были огромными и темными и полными беспокойства за ребенка ее Хозяина.

"Иллиасфиэль, я сделаю все возможное, чтобы убедиться, что твой отец в безопасности. Пока я жив, никто не должен приближаться к нему без моего ведома".

Илья улыбнулся, его глаза наполнились слезами. "Ты позаботишься о его безопасности?"

Обещаешь?"

"Я обещаю".

"Клянусь мизинцем?"

Сиренити нахмурилась в замешательстве. "Пинки... ругаешься?"

"Да!" Илья встал и встал перед Службой. "Когда ты даешь обещание и соединяешь свои мизинцы, оно скреплено печатью на всю жизнь. Это похоже на Гейс, но для этого не нужно никакой магии. Пинки, поклянись, что ты обеспечишь безопасность папы ". Она потянулась к руке Сиренити, чтобы показать ей, но Служанка отстранилась, сложив руки подмышками.

"Это... было бы неразумно. Но я могу принести свою клятву и свое слово. Я буду защищать жизнь твоего отца, как если бы она была моей собственной – как если бы она была больше, чем моя собственная. Я обещаю, ты снова увидишь своего отца, Иллиасвиэль".

Илья скептически нахмурился. "Я не знаю. Если это не клятва на мизинце, я не знаю, могу ли я этому доверять. Посмотрим, посмотрим ... о! Ты ассасин, верно? Это значит, что ты убиваешь за деньги?"

"Я беспокоюсь о том, почему ты это знаешь ... но да".

"Тогда..." Илья порылась в карманах и в конце концов достала пригоршню грязной мелочи. "Я нанимаю тебя! Я знаю, что это, вероятно, немного, но... две немецкие марки, чтобы убить всех, кто пытается навредить папе?"

Сиренити на мгновение замерла с открытым от удивления ртом. "Жизнь и смерть - важные вещи, Иллиасвиэль, и не такие дешевые, как это ... но с другой стороны, я никогда не заключала контракт на защиту другого. Очень хорошо. Сделка заключена. Жизнь вашего отца сохранена за две марки ". Сиренити склонила голову. "Я ни разу не нарушила контракт, леди Айнцберн. Я не буду начинать сейчас."

Илья удовлетворенно кивнул. "Хорошо. Хорошо. Если я не смогу пойти, тебе придется пойти вместо меня. Папа очень хорош в том, что он делает, но он не может все время быть осторожным ". Она выпрямилась и изо всех сил постаралась, чтобы ее голос звучал царственно и внушительно – как у бабушки, когда он обращался к семье. "Следи за ним, защищай его. Ты дал обещание, мы заключили сделку!"

При этих словах губы Сиренити дрогнули в крошечной, едва заметной улыбке.

"Конечно, со службой нелегко управляться", - сказал Юбстахит фон Айнцберн, поглаживая свою белую бороду. "Один случайный жест, одно неосторожное прикосновение, один момент страсти с любой из вас, и ваша жизнь пропала. Вы уверены, что справитесь с этим, Убийца магов?"

"Да". По-видимому, больше нечего было сказать. Единственным звуком в кабинете старика был глухой рев и потрескивание камина, который погружал все в большой старой комнате в тень и оранжевое свечение. Ахт сидел в своем большом кожаном кресле, в то время как Эмиа Кирицугу предпочел остаться стоять в центре комнаты. У двери, почти незаметно стоя у стен, стояли сопровождающие гомункулы – как слуги, так и телохранители, с их тяжелыми алебардами в пределах легкой досягаемости.

Здесь, в своем месте силы, патриарх Айнцберна был одним из самых... неприступных людей на свете. Будучи, по сути, наемником, Эмии не разрешалось ходить вооруженным в его присутствии, и он оставил своего соперника Томпсона и Калико с помощником, прежде чем перейти на работу к Айнцбернам. Тем не менее, у него все еще был личный пистолет, и он сдал его ожидавшим охранникам, которые заперли его в стальном ящике снаружи комнаты.

Это был скорее жест уважения к человеку, которого боялись маги всего мира, и скорее результат понятной паранойи Ахта как главы одной из самых выдающихся семей магов в Ассоциации, чем в реальных целях безопасности. Даже если бы Маг-убийца был вооружен, поджидающие гомункулы проткнули бы его насквозь прежде, чем он смог бы даже поднять оружие.

В конце концов, Ахт был очень хорошо знаком с тем, как действовало оружие, выбранное его семьей для Четвертой войны за Грааль.

Когда Ахт понял, что Эмия больше ничего не собирается говорить, он сухо усмехнулся. "Ну, я полагаю, тебе лучше знать. А как поживает сама Служанка? Я признаю ... разочарование. Учитывая вашу репутацию, я надеялся на какого-нибудь великого воина, который уложил многих колдунов и ведьм. Возможно, Святого Георгия или короля Артура... что ж, ничего не поделаешь. Иногда я думаю, что, возможно, было разумнее для основателей внедрить систему Relic в конце концов".

"Я полностью доволен Assassin. Больше, чем героем. Наши сильные стороны идеально совпадают, как и наши взгляды". Три факта, три утверждения. Как всегда, Эмия не проявлял никаких эмоций, даже когда спорил со своим работодателем. Ахту это показалось бы жутким, если бы он не видел, как сотни таких, как Эмия, приходят и уходят. Как бы они ни действовали, все наемники были одинаковы. В конце концов, все, что имело значение, это то, оказались ли они полезными для семьи Айнцберн.

"Как и ожидалось. Именно поэтому Основатели решили, что героический дух в конце концов будет соответствовать Мастеру". Это, и в то время Тосака и Макири должны были стать намного богаче Айнцбернов. Разрешение любому герою быть вызванным любым мастером на основе реликвии, которую они смогли раздобыть, превратило бы Войну за Грааль в игру ресурсов, по крайней мере, так рассуждали в то время главы трех семей, создавших ритуал Heaven's Feel. Более богатая семья могла бы просто приобрести величайшие реликвии у величайших героев и обеспечить себе преимущество с самого начала.

Вместо этого ритуал призыва был создан таким образом, чтобы принимать только одну симпатическую связь для выбора героического духа с Трона Героев - самих будущих Мастеров. Каждый Мастер призывал того героя, который был ближе всего к их собственной личности. К сожалению, попытки собрать колоду, "ухаживая" за кандидатом таким образом, чтобы привлечь конкретного героя, оказались тщетными. Великий Грааль присваивал Командные заклинания по своему усмотрению, и все подобные попытки привели к тому, что Мастером был выбран кто-то совершенно другой.

Честно говоря, Айнцбернам повезло, что Эмии Кирицугу удалось заполучить Командные заклинания.

"Если ты удовлетворен, тогда я могу только позволить тебе делать свою работу", - сказал Ахт. "Я надеюсь, ради твоего же блага, что этот Убийца на высоте".

"Она такая", - сказал Кирицугу.

"Правда? Из того, что вы сказали, она действительно кажется тусклой, ядовитой или нет. Я не сомневаюсь, что она могла бы сразиться с каждым из гомункулов семьи и победить, но против другого Слуги у нее не будет шансов в честном бою ". Система, в которой слуги сравнивались друг с другом, была плохо понята даже Айнцбернами, которые создали систему в первую очередь, но Мастер мог получить приблизительное представление о том, насколько силен данный Слуга, используя форму ограниченного ясновидения.

Ассасин был ... не в восторге.

"Правильно. Вот почему я не намерен заставлять ее ввязываться в какие-либо откровенные драки с другими слугами".

Ахт ухмыльнулся. "Ты понимаешь, что это должна быть война за Святой Грааль, Эмия? В какой-то момент вам придется с кем-то сразиться. Даже если вы позволите всем остальным Слугам победить друг друга, все, что вы сделаете, это оставите самого сильного Слугу в живых. Как Ассасин справится тогда?"

"Конечно, вот так", - сказал Эмия. Он не сделал жеста, но его глаза метнулись к месту за спиной Ахта. Ахт обернулся.

Прямо за его стулом, протянув руку, как будто для того, чтобы погладить его по щеке, стоял Ассасин.

Ахт напрягся на своем месте. Он давно уже не реагировал так недостойно, как испуганно или с криком удивления, но его стареющее сердце забилося в груди так, как не билось десятилетиями. В темноте, в своей темной одежде, Ассасин казалась не более чем плавающим черепом, ухмыляющимся, как сам Мрачный Жнец.

Как долго она была там?

На какое-то застывшее мгновение они остались такими, убийца и маг, в какой-то жуткой картине, такой почти трогательной. Затем Ассасин убрала руку и снова отступила в темноту, исчезнув в мягком цветении тени.

Ахт повернулся обратно к Эмии и подумал о том, как легко он оказался буквально на волосок от смерти. В своей собственной комнате в собственном замке, окруженный гомункулами боевого образца. Эмия стоял там, ничего не говоря.

"Я понимаю твою точку зрения", - сказал Ахт. "Но запомни меня, Убийца Магов – не думай, что будет так легко избавиться от вражеских Хозяев. В отличие от меня, у них будут собственные слуги. И каждый из них знает, что Слуга-убийца может прийти за их головами. Не когда, не как, но вы потеряли элемент неожиданности еще до начала войны. Простое нанесение удара из тени не будет работать вечно. Они будут знать, что ты приближаешься. Они будут готовы ".

"Конечно", - сказал Эмия. Он протянул руку, и Ассасин материализовался рядом с ним, чтобы вложить в нее свой пистолет. Тот факт, что она была заперта под постоянным наблюдением, по-видимому, не имел значения.

"Вот тут-то и вступаю я ".

Для каждого Хозяина - слуга. Для каждого слуги - Мастер.

Два убийцы поневоле.

Два бесцельных оружия.

Два достойных лидера.

Два преданных защитника.

Два верных дворянина.

Два гениальных новичка.

Два диких зверя.

Пусть Грааль выберет достойных.

<http://tl.rulate.ru/book/98536/3340539>